

ПОЛУНОЧНЫЙ ПАССАЖ

БЕЗ ВЫДЕРЖКИ

ОСКАР СЕВЕРИН

18+

Оскар Северин

Без выдержки

«Автор»

2026

Северин О.

Без выдержки / О. Северин — «Автор», 2026

До главного показа — одиннадцать дней. Приглашённая модель ушла, перенос уничтожит сезонный заказ, и владелица ателье Таисия Ветрова сама встаёт перед камерой Глеба Арсеньева. У неё одно условие: ни один кадр не увидит свет без её согласия. Глеб принимает правила — и снимает Таисию так, будто замечает не только точность каждой линии, но и всё желание, которое она привыкла оставлять при себе. Работа быстро становится слишком личной. Они выбирают откровенную связь без обещаний, уверенные, что сумеют отделить её от контракта. Но после показа Глеба ждут восемь месяцев съёмок вдали от Ладорска, а Таисия не станет приложением к чужому маршруту. Смогут ли двое взрослых людей выбрать близость, не присваивая будущее друг друга?

© Северин О., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	19
Глава 5	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Оскар Северин

Без выдержки

Глава 1

Одиннадцать дней

— Я не выйду на съёмку, — сказала Лера и положила на раскройный стол телефон экраном вниз. — Даже на два часа. Новый договор запрещает.

В ателье стало тихо. За стеной кто-то опустил металлическую штору галереи, и дребезг прокатился по всему «Полуночному пассажиу». Таисия удержала ножницы на ткани, не сделав последнего надреза.

На столе лежал дымчато-синий шёлк — самый капризный из всей коллекции. Рядом, на Лере, сидел пробный корсаж, который они подгоняли три недели. До главного показа оставалось одиннадцать дней.

— Когда подписала? — спросила Таисия.

— Сегодня утром. Я узнала про запрет час назад. Они берут меня на год, Тая. Я не могла отказаться.

Лера держала подбородок ровно, но пальцы уже нашли край корсажа и мяли его. Таисия отвела её руку.

— Шёлк ни при чём.

— Ты сердишься.

— Очень. Но не на тебя.

Глеб стоял у переносного фона возле окна и молчал. Высокий, в серой рубашке с закатанными рукавами, он казался частью привезённого оборудования: собранным, тёмным и не склонным извиняться за занятое место. За два дня работы он успел забраковать три схемы света и ни разу не назвал Леру красивой. Зато заметил, что левая косточка корсажа отстаёт на два миллиметра, когда она поднимает руку.

Лера посмотрела на него, будто ждала приговора.

— Наша съёмка была согласована раньше, — произнёс Глеб. — В новом договоре нет исключения для уже назначенной работы?

— Нет. Я попросила.

— Тогда всё.

Таисия подняла взгляд.

— Очень полезная формулировка.

— Полезнее, чем уговаривать её нарушить договор.

Он говорил спокойно, но у спокойствия Глеба имелся острый край. Таисия ещё не решила, раздражает он её этим или удерживает комнату от паники.

— Я верну аванс, — быстро сказала Лера. — И оплату переделки.

— Аванс вернёшь по договору. Переделки мои, — ответила Таисия. — Снимай корсаж. Соня поможет. Только не дёргай застёжку.

Лера моргнула.

— Ты меня даже не проклянёшь?

— После показа. Сейчас очередь на проклятия расписана до полуночи.

Лера рассмеялась с облегчением и ушла за ширму. Таисия наконец разрешила шёлк. Линия получилась чистой. Хотелось, чтобы так же можно было отсечь потерю модели, срочно найти новую и не думать о том, что вся кампания строилась под чужую пластику.

В дверь вошла Софья Ланская. Управляющая программой Пассажа носила чёрное даже в майскую жару и умела сообщать плохие новости так, словно предлагала выбрать десерт.

— Мне уже позвонили из агентства, — сказала она. — Лера свободна, вы свободны от претензий, а двор свободен для вас в четверг с десяти вечера до двух. Больше свободного у нас ничего нет.

— Перенос главной ночи? — спросила Таисия, хотя знала ответ.

— Невозможен. И я не советую выходить без кампании. Два магазина подтвердят сезонный заказ только после предварительного просмотра.

Софья не давила. Просто положила факты на стол рядом с ножницами.

Из-за ширмы вышла Лера в джинсах и футболке. Таисия обняла её одной рукой, получила обещание прислать расторжение и проводила до двери. Только когда та скрылась в галерее, Таисия позволила себе выдохнуть.

— Одиннадцать дней, — сказала она.

— Десять с половиной, — уточнила Софья. — Сейчас уже вечер.

— Спасибо, мне сразу легче.

Соня вернулась из кладовой с планшетом.

— Я открыла базу агентств. Если запросить всех в радиусе двухсот километров, к завтрашнему вечеру соберём видеопробы.

— Завтрашний вечер поздно, — сказала Софья. — Послезавтра во дворе монтируют первую часть программы. В четверг ваш единственный ночной слот. Печать больших кадров занимает сутки, если типография согласится поставить вас впереди другого заказа.

— Согласится, — ответила Таисия. — Я оплачу срочность.

Она открыла рабочую таблицу. От цифр ситуация не становилась лучше. Магазины ждали по шестьдесят комплектов каждый. Ткань на первую партию уже лежала в ателье, заказ типографии перечислен, приглашения напечатаны без фотографии, но с обещанием кампании. Перенос означал не просто неудачный вечер. Один магазин уйдёт к марке, способной дать товар к началу лета, второй потребует вернуть аванс. Тогда шёлк останется красивым запасом, а две нанятые на сезон швеи — без работы в июне.

Глеб подошёл к экрану планшета.

— Какая задача у модели, кроме размера?

— Размер не главный, — сказала Таисия. — Мы можем подогнать образец. Она должна понимать, что делает вещь при движении.

— Научишь.

— За одну примерку? Я три месяца искала линии, которые не режут тело на повороте. Мне нужна женщина, способная почувствовать, где ткань уже работает, а где только выглядит хорошо.

Соня пролистнула анкеты.

— У Кристины есть окно завтра с пяти до семи.

— Она снимается для спортивного каталога в четыре, — заметил Глеб. — Не успеет доехать и снять следы от компрессионной одежды. У нас первый комплект светлый.

Таисия посмотрела на него.

— Ты уже изучил её расписание?

— Она была в списке запасных Леры.

— И ничего не сказал?

— До десяти минут назад запасная не требовалась.

Софья придвинула планшет к себе.

— Есть ещё Маргарита, но она свободна только в день ночной съёмки.

— Без пробы не выйдет, — сказал Глеб.

— Тогда сокращаем кампанию до предметной, — предложила Соня. — Детали, руки, ткань.

Таисия покачала головой.

— Получится, будто мы стесняемся тела целиком. Коллекция ровно не об этом.

Она закрыла таблицу. Нельзя было спасать идею способом, который её отменял.

— Отправь запрос всё равно, — сказала Таисия Соне. — Если моя проба не сработает, посмотрим тех, кто ответит к утру. Никому не обещаю работу до примерки и не проси отменять другие договоры.

— Поняла.

Софья сделала пометку в планшете.

— Типографию беру на себя. До полудня завтра они держат два возможных окна. После полудня одно отдам галерее.

— Справедливо.

— Это не справедливость. Это расписание.

Таисия снова посмотрела на цифры. Теперь у паники появились размеры: двенадцать часов на рабочую пробу, сутки на окончательный выбор, единственная ночь во дворе. Измеримый риск всегда был лучше бесформенного.

Глеб снял камеру со штатива.

— Манекен есть?

— Ты собираешься снимать кампанию на манекене?

— Я собираюсь проверить, насколько это безнадежно.

Манекен принесли из витрины. На нём дымчато-синий комплект выглядел безупречно и мертво. Боковая вставка не растягивалась, шелк не ловил движение, тонкая сетка лежала плоско. Глеб сделал четыре кадра, показал экран и ничего не добавил.

— Будто вещь уже отправили в музей, — сказала Софья.

— В музей плохих решений, — отозвалась Таисия.

Она позвонила двум знакомым моделям. Одна снималась в другом городе, вторая могла приехать только через девять дней. Соня, помощница Таисии, открыла список агентств. Глеб подошёл к рейлу и пальцами, не касаясь ткани, провёл вдоль линии бретели.

— В этой коллекции что главное? — спросил он.

— Она не исправляет женщину.

— Это лозунг.

— Это конструкция. В обычном белье тело заставляют держать заданную форму. Я сделала так, чтобы материал двигался вместе с ним. Посмотри на боковую деталь. Она раскрывается только на повороте.

— Поэтому манекен бесполезен.

— Я заметила.

— И срочная модель, которая не знает конструкцию, тоже.

Таисия хотела возразить, но он уже смотрел не на рейл. На неё.

За два дня Глеб ни разу не позволил взгляду задержаться там, где профессиональной причины не было. Сейчас причина, судя по всему, появилась. От его внимания кожа под тонкой майкой стала чувствительной, словно он направил на неё свет.

— Нет, — сказала она.

— Я ничего не предложил.

— Ты подумал слишком отчётливо.

Угол его рта едва заметно сдвинулся.

— Тогда предложи сама.

Таисия посмотрела на манекен, на незаконченную линию кроя, на календарь с жирным кругом вокруг последней майской ночи. Ей приходилось выходить к клиенткам в белье во

время примерок, показывать посадку, объяснять натяжение. Камера была другим: не минутой в закрытой комнате, а изображением, способным отделиться от неё и уйти куда угодно.

Именно поэтому решение должно было принадлежать ей.

— Сниматься буду я, — сказала Таисия. — Пробу делаем завтра утром. Если кадр не работает, ищем дальше.

Слова прозвучали легче, чем решение.

Когда-то, ещё до «Контура», Таисия уже оказывалась на снимке в белье. Не для кампании. Она примеряла первый образец новой линии и попросила помощницу сфотографировать перекошенный шов на телефон, чтобы показать технологу. К вечеру этот кадр стоял в презентации для инвесторов. Лицо обрезают, но она узнала собственную руку, родинку у талии, помещение за спиной.

— Там же не видно, что это ты, — сказал тогда руководитель марки. — Зато показана посадка.

Таисия потребовала удалить снимок. Его убрали из следующей версии, однако первая уже ушла десятку людей. Никто не счёл это нарушением: лицо скрыто, вещь принадлежит компании, женщина работает в отделе конструирования. Будто тело автоматически становилось производственным инструментом вместе с ножницами и манекеном.

После увольнения она долго не позволяла фотографировать даже примерки на клиентках, пока не выстроила правила. Отдельное согласие. Отдельная задача. Никакого «раз уж сняли, используем».

Теперь она сама предлагала не технический кадр, а целую кампанию. Разница состояла не в количестве одежды и не в качестве камеры. В том, кто мог сказать последнее слово.

— Это не жест отчаяния? — спросил Глеб.

Таисия вернулась в настоящее.

— Отчаяние тоже есть. До показа одиннадцать дней.

— Я не про срок. Ты хочешь быть лицом этой коллекции или только не видишь другого выхода?

Соня и Софья молчали. Вопрос было неприятно слышать при них, но именно поэтому на него следовало ответить сейчас.

— Я хочу проверить, могу ли показать её точнее профессиональной модели, — сказала Таисия. — Если не могу, моё желание не важнее результата. Если могу — не отдам роль другой только потому, что боюсь изображения.

— А если проба окажется сильной, но ты передумаешь до публикации?

— Тогда ты получишь оплату за выполненную съёмку, а мы останемся без кампании.

— Верно.

— Это тебя устраивает?

— Нет. Но я соглашусь.

Он сказал это без красивого великодушия. Просто подтвердил цену её права остановиться.

— Тогда пробуем, — решила Таисия. — И до первого кадра фиксируем, кто, что и когда может использовать.

Софья не улыбнулась, только кивнула, будто услышала разумный производственный вывод.

Глеб поставил камеру на стол.

— Сначала правила.

— У нас есть договор.

— Договор с твоим ателье. Мне нужны правила для твоего изображения.

— Ты всегда усложняешь людям жизнь перед тем, как их сфотографировать?

— Только если после снимка её можно усложнить сильнее.

Таисия скрестила руки.

— Завтра в восемь. Правила принесёшь с собой.

— Принесу.

Он не поздравил её с храбростью и не стал уверять, что всё получится. Собрал объективы, записал время и ушёл в галерею.

Таисия проводила его взглядом. Ей уже не нравилось, что он не попытался её уговорить. И ещё меньше нравилось, как сильно ей хотелось увидеть, что будет, когда ему не придётся отводить глаза.

Глава 2

Право на кадр

В восемь утра Таисия подписывала не договор, а границы.

Глеб стоял у окна кабинета Инги Беловой и смотрел, как она ведёт ногтем по строкам приложения. За стеклом просыпался Пассаж: Матвей выставлял у кофейного киоска два столика, в галерее включали свет, по каменным плитам двора тянули кабель для вечерней репетиции.

— Каждый исходный файл хранится у фотографа, — читала Инга, — но не передаётся третьим лицам. Для кампании используются только изображения с письменной отметкой Таисии. Она вправе остановить съёмку в любой момент без штрафа и без потери уже выполненной работы. Ретушь, изменение кадрирования и повторная лицензия утверждаются отдельно.

Таисия перелистнула страницу.

— А это зачем?

— Затем, что люди любят смешивать то, что удобно смешать, — ответила Инга.

Глеб знал, какая там строка.

— Личные отношения сторон, их возникновение, прекращение или отсутствие не меняют оплату, сроки, доступ к материалам и объём прав, — прочитала Таисия вслух. Подняла на него глаза. — Ты ожидаешь осложнений?

— Я ожидаю хороших кадров. Осложнения обычно приходят без приглашения.

— Поэтому ты включил их в приложение?

— Поэтому Инга включила. Я согласился.

Инга протянула Таисии ручку.

— Отдельная подпись на каждой странице. Глеб уже подписал.

Таисия расписалась быстро, без демонстративных пауз. Глеб почувствовал облегчение, хотя до этого не признавался себе, что ждал отказа. Не потому, что хотел получить больше власти. Наоборот: без ясных правил камера давала фотографу слишком много власти.

Инга достала ещё один лист.

— Это не договор, а порядок работы. Кто присутствует на закрытой площадке, кто получает доступ к просмотру, как мы помечаем удалённые кадры.

— Удалённые сразу стираются? — спросила Таисия.

— Нет, — ответил Глеб. — Сначала дублируем разрешённые файлы, проверяем копию, затем удаляем отклонённые с рабочих носителей. Иначе можно потерять всё из-за одной ошибки карты.

— Сколько копий?

— Две до окончания кампании. Одна у меня на зашифрованном диске, одна в сейфе Инги. После передачи финала моя рабочая копия остаётся по договору, резерв Инги уничтожается по акту.

— Пароль у кого?

— От сейфа — у Инги. От диска — у меня. Ты получаешь просмотр без возможности случайно отправить исходник.

Таисия подняла бровь.

— Случайно?

— Люди пересылают скриншоты в рабочие чаты чаще, чем признают. Я включу режим без сети на просмотре.

— А твой компьютер?

— Тоже без сети до выбора. Передача только после твоих отметок.

Инга кивнула.

— Любой человек на площадке сдаёт телефон в закрытый шкаф. Включая меня. Если вам нужен рабочий звонок, выходите в галерею одетыми и звоните там.

— Звучит так, будто мы охраняем государственную тайну, — сказала Таисия.

— Мы охраняем твоё изображение, — ответила Инга. — Оно дешевле не от количества ткани на теле, а от утраты контроля.

Глеб заметил, как пальцы Таисии перестали листать бумагу. Эта фраза попала в причину, которую она пока не называла.

— Кто увидит первые кадры? — спросила она.

— Ты, я и Соня, если она тебе нужна, — сказал он. — Потом Инга проверит номера. Софья увидит только утверждённый отбор.

— А Влад?

— Получит то же, что остальные партнёры, когда ты разрешишь.

— Даже если финансирует печать?

— Финансирование носителя не даёт ему прав на всё, что попало в объектив.

Таисия подписала порядок работы.

— Теперь я понимаю, почему тебя считают неудобным.

— Кто?

— Два человека, которым я звонила за рекомендациями.

Глеб не знал, что она проверяла его отдельно от Софьи.

— Что ещё сказали?

— Что ты не отдаёшь заказчику неутверждённый материал даже за доплату. И однажды потерял из-за этого контракт.

— Потерял.

— Жалеешь?

Он вспомнил кампанию трёхлетней давности: лицо актрисы, выдернутое из пробного кадра и поставленное на щит до согласования; заказчика, называвшего это обычной скоростью рынка; собственную подпись под слишком расплывчатым договором.

— Жалею, что прописал ограничение после конфликта, а не до. Поэтому сейчас мы сидим здесь.

Таисия задержала на нём взгляд, затем поставила последнюю подпись.

— Тогда идём смотреть, выдержат ли правила реальную камеру.

В студии он заранее поставил закрытый экран между площадкой и дверью. На площадке оставил только себя, Таисию и Соню, которая помогала с бельём. Никого из технической команды до решения о продолжении.

— Свет пока рабочий, — сказал он. — Снимки не пойдут в кампанию без твоей отдельной отметки.

— Это я уже подписала.

— Я говорю, как будет сейчас, а не цитирую бумагу.

Таисия задержала на нём взгляд, потом ушла за экран.

Ей было тридцать четыре. Он узнал это минутой раньше, когда Инга сверяла данные в приложении, и цифра почему-то осталась в голове вместе с её точным, почти сердитым росчерком. Достаточно взрослая, чтобы открыть ателье на собственные деньги и пережить три убыточных сезона. Достаточно уверенная, чтобы выйти к нему сейчас. Но уверенность не отменяла уязвимости перед объективом.

— Если скажешь «расслабься», я уйду, — предупредила она из-за экрана.

— Не скажу.

— «Будь естественной» тоже запрещено.

— Это бессмысленная команда.

Соня приснула. Потом экран отодвинулся.

Дымчато-синий шёлк на Таисии оказался не похож на тот, что висел на манекене. Тонкие линии пересекались на талии, сетчатая вставка темнела на вдохе, боковая деталь действительно раскрывалась при каждом шаге. Сверху она набросила длинную прозрачную рубашку, и ткань скользнула по бёдрам, задержав свет.

Глеб поднял камеру — и опустил.

— Что? — спросила Таисия.

— Свет врёт.

— В чём?

— Делает боковую вставку декоративной. Она у тебя работает.

Он переставил узкий отражатель ниже и убрал верхний источник. В студии стало темнее. Теперь свет проходил вдоль тела, не выхватывая его частями.

— Встань к метке. Плечи не трогай. Просто перенеси вес на левую ногу.

Таисия сделала, потом нахмурилась.

— Если на левую, нижняя линия натянется.

— Я это и хочу увидеть.

— Тогда на полшага дальше. Иначе рубашка закроет переход.

Она сама сдвинула метку носком. Глеб проверил видоискатель.

— Так.

Первый щелчок прозвучал слишком громко.

Таисия не улыбалась. Стояла, чуть отведя руку, и смотрела прямо в объектив. Не пыталась понравиться, не играла женщину, которую застали в белье. В её позе было требование: смотри, но не придумывай вместо меня.

Глеб сделал ещё три кадра.

— Повернись.

— Насколько?

— Пока сама не увидишь, как движется вставка.

Она повернулась медленно. Рубашка разошлась. На мгновение открылась линия живота, и профессиональная мысль оборвалась там, где начиналось желание. Глеб опустил камеру, будто ему потребовалось проверить настройку.

— Проблема? — спросила Таисия.

Она всё заметила. Конечно.

— Нет.

— Ты всегда так долго смотришь на выдержку?

— Только когда собираюсь ошибиться.

— И как, собираешься?

— Уже нет.

Соня отвернулась к рейлу с выражением человека, который очень занят застёжками. Таисия провела пальцем под боковой лентой.

— Здесь складка. Я поправлю.

Она не попросила Глеба подойти. Сама развернулась к зеркалу, освободила ленту и снова закрепила её. Он следил за руками, за тем, как уверенно она касается собственного тела, не отделяя его от работы и не предлагая зрителю. Возбуждение пришло не от открытой кожи. От права, с которым она распоряжалась каждым движением.

— Готово, — сказала Таисия.

Глеб поднял камеру.

В этот раз она шагнула сама. Он снимал поворот, остановку, короткое движение плеча. Через несколько минут перестал думать о том, как удерживает дистанцию. Осталась задача поймать момент, когда шёлк ещё следует за телом, а тело уже меняет направление.

— Всё, — сказал он после шестнадцатого кадра. — Для пробы достаточно.

— Покажи.

Он протянул камеру, не приближаясь. Таисия посмотрела первые снимки и остановилась на том, где рубашка только начинала расходиться.

— Здесь я будто защищаюсь.

— Здесь ты решаешь, открывать ли её дальше.

— А ты всегда отвечаешь вопросом на то, чего я не спросила?

— Это не вопрос.

Она посмотрела на него поверх камеры. Между ними было меньше двух шагов. Глеб видел, как под тонкой тканью её дыхание изменило линию корсажа, и знал: если сейчас потянется к камере, пальцы окажутся рядом с её рукой.

Он не потянулся.

Таисия вернула аппарат сама.

Глеб подключил камеру к закрытому монитору. На большом экране стали заметны детали, которые маленький дисплей скрывал: на одном кадре бретель чуть отходила от плеча, на другом край рубашки цеплялся за боковую ленту, на третьем Таисия моргнула в момент поворота.

— Этот удаляем, — сказала она, указывая на кадр с бретелью.

— Он технический, в отбор и так не войдёт.

— Я хочу увидеть, как работает наш порядок. Пометь именно как отклонённый мной.

Глеб открыл таблицу и записал номер с причиной: «посадка не утверждена».

— До копирования разрешённых он останется на карте, — напомнил он. — После сверки удалим с рабочей и резервной.

— Покажешь акт?

— Да.

Таисия перешла к следующему кадру.

— Здесь рубашка закрыла всю боковую деталь. Бессмысленно.

— Но выражение сильное.

— Тогда повторим позже. Плохую демонстрацию изделия не спасает лицо.

— Согласен.

Он отметил второй номер. Третий кадр, где она моргнула, Таисия хотела убрать автоматически, но Глеб остановил курсор.

— Посмотри не на глаза. На движение плеча.

— Я выгляжу сонной.

— В серии он не нужен. Но это лучший тест верхней линии: видно, что она не сдвинулась на повороте.

— Оставить как технический для ателье, без права публикации?

— Можно сделать отдельную папку конструкции. Доступ только тебе и Соне, срок хранения ты определишь сама.

Таисия подумала.

— До запуска второй партии. Потом удалить.

Глеб добавил новый статус. Правила перестали быть общими фразами в приложении и начали работать на конкретных файлах.

На одном из последних кадров Таисия стояла между движениями, поправляя край рубашки. Позы не было, взгляд уходил вниз. Свет ложился мягко, и в кадре ощущалась редкая незащищённость.

— Этот не показывать никому, — сказала она сразу.

Глеб не спросил почему.

— Отклонён.

— Тебе он нравится?

— Да.

— И всё равно удалишь?

— Да.

Она посмотрела на него внимательнее.

— Обычно люди начинают убеждать, если им нравится.

— Обычно люди путают хороший кадр с правом на него.

Глеб внёс номер. Таисия поставила рядом электронную отметку, подтверждая отказ.

— Теперь я готова к следующей съёмке, — сказала она.

— Что изменилось?

— Я увидела, как ты удаляешь то, что хочешь оставить.

Доверие прозвучало не как похвала, а как новая рабочая возможность. Глеб почувствовал его вес сильнее любого комплимента.

— Тесты до вечера.

— Контактный лист будет после четырёх.

— Я приду в лабораторию.

— Там тесно.

— Это техническое предупреждение или личное?

Глеб впервые за утро улыбнулся.

— Технические я формулирую точнее.

Она ушла за экран. Только тогда он позволил себе медленно выдохнуть.

Ему было тридцать восемь, и он давно не путал сильное влечение с поводом действовать. Но когда Таисия вновь появилась в брюках и белой рубашке, застёгнутой не на ту пуговицу, Глеб понял: следующие десять дней потребуют от него гораздо больше точности, чем любая съёмка.

Глава 3

Линия движения

Первые кадры были красивыми. Именно поэтому Таисия хотела их выбросить.

Она разложила распечатки на рабочем столе и передвигала их, будто лекала, в которых никак не сходились контрольные точки. На одном снимке шёлк отливал сталью. На другом сетка казалась тоньше воздуха. На третьем её собственное лицо было спокойным и чужим.

Глеб прислонился бедром к краю стола.

— Ни один?

— Они продают женщину, которая умеет стоять.

— Полезный навык.

— Не за него платят мои клиентки. Ты не показал движение.

— На пробе у нас было два метра площадки и один комплект.

— Я не обвиняю. Я объясняю, что не работает.

— Объясни точнее.

Таисия взяла лист и провела ногтем по боковой линии.

— Когда я шагаю, эта деталь растягивается, но не режет. Когда сажусь — возвращается. Рубашка скользит, не цепляется за швы. В этих кадрах всё застыло. Получилось дорогое бельё для женщины, которая боится пошевелиться.

— Значит, не позы.

— А что?

— Маршрут.

Он убрал распечатки, освободил длинную полосу от двери до окна и поставил на пол три метки. Затем взял лёгкий стул из примерочной.

— От двери к окну, поворот, сесть, подняться. Не смотреть в камеру.

— Ты только что сказал мне, что делать.

— Я предложил маршрут. Движение твоё.

Таисия сдержала улыбку. Спорить с Глебом было похоже на подгонку жёсткой детали: стоило найти верный угол, и сопротивление начинало работать на форму.

Соня помогла ей переодеться в чёрный комплект с широкой лентой под грудью и высоким поясом. Поверх Таисия надела тонкий жакет без подкладки. Он был частью показа, но не предназначался для кампании.

— Оставь, — сказал Глеб, когда она вышла. — На первом проходе.

— Он закроет конструкцию.

— Снимешь в движении.

— Самое старое движение в рекламе белья.

— Тогда придумай новое.

Она пошла от двери. На второй метке стянула жакет только с одного плеча, перехватила за ворот и развернулась так, что ткань описала тёмную дугу. Глеб успел сделать серию. У окна Таисия бросила жакет на стул, села и тут же поднялась, заставив пояс собрать свет.

— Ещё раз, — сказал он.

— Что меняем?

— Ничего. Теперь ты знаешь, где стоят метки, и не будешь идти по ним механически.

Это прозвучало почти как вызов. Во второй раз Таисия замедлилась возле стула, провела пальцами по спинке, повернула голову на звук затвора. Глеб двигался параллельно, легко, без суеты. Камера закрывала часть его лица, но не взгляд. Она чувствовала его на коже точнее, чем прохладный воздух студии.

На третьем проходе бретель сместилась.

— Стоп, — сказала она.

Глеб сразу опустил камеру.

Таисия подошла к зеркалу, но нужный шов находился сзади. Соня ушла за парогенератором. Можно было подождать. Вместо этого Таисия взяла со стола булавку и повернулась к Глебу спиной.

— Видишь, где перекрутилось?

— Да.

— Скажи.

Он объяснил, не приближаясь: на два пальца ниже крепления, лента ушла внутрь. Таисия нащупала её, не смогла подцепить и раздражённо выдохнула.

— Поправь. Только ленту.

— Да.

Его пальцы коснулись ткани возле лопатки. Не кожи — между ними оставалась тонкая сетка, — но Таисия ощутила прикосновение до поясницы. Глеб выправил ленту одним коротким движением и отступил.

— Готово.

— Быстро.

— Ты дала точную задачу.

Она встретила с ним взглядом в зеркале. Он уже снова держал камеру, но не поднимал её.

— Продолжаем, — сказала Таисия.

К полудню у них было семь кадров, в которых ткань действительно жила. Глеб вывел один на большой экран. Таисия в нём только начинала сбрасывать жакет; лицо оставалось в тени, зато линия тела была собрана движением, а не ретушью.

— Вот, — сказала она. — Это коллекция.

— Это начало.

Соня принесла планшет с ответами агентств. Из двенадцати запросов пришло пять видеопроб. Одна модель могла приехать вечером, две — на следующий день, ещё две соглашались только на съёмку без показа.

— Мы всё равно должны посмотреть, — сказала Таисия. — Моё участие не должно стать единственным вариантом только потому, что первый тест удачный.

Они сели у экрана. Девушки прислали короткие проходы в обычной облегающей одежде, без белья: Таисия специально попросила не снимать ничего лишнего до договора. Первая двигалась мягко и точно, но через каждые два шага привычно искала камеру. Вторая хорошо чувствовала ритм, однако могла приехать только на четыре часа. Третья в сопроводительном сообщении честно написала, что не готова к публикации кадров в наружной рекламе.

— Третью снимаем с отбора, — сказал Глеб.

— Почему? Она сильнее второй.

— Её граница уже не совпадает с планом кампании. Уговаривать не будем.

Таисия кивнула и передала Соне планшет.

— Поблагодари. Скажи, что её отказ не мешает звать на показы в одежде.

— Сделаю.

На четвёртом видео девушка шла слишком быстро, будто пыталась успеть до конца записи. Пятая двигалась хорошо, но была занята в ночь дворовой съёмки.

— Первая могла бы, — сказала Соня.

Глеб повторно включил её проход.

— Могла бы. Но ей понадобится день, чтобы перестать искать объектив. У нас нет дня.

— А мне не понадобится? — спросила Таисия.

— Ты не ищешь его. Ты споришь.

— Это преимущество?

— Для этой идеи — да.

Таисия смотрела на замерший кадр незнакомой женщины. Та была профессиональнее, пластичнее, привычнее к съёмке. Решение оставить себя могло оказаться тщеславием, замаскированным под необходимость.

— Если бы у нас было три недели, кого бы ты выбрал? — спросила она.

Глеб не ответил сразу.

— Сделал бы две пробы. Тебя и первую. Потом показал бы обе серии без имён трём людям, которые понимают задачу.

— Удобно не выбирать.

— Ты попросила профессиональный ответ. Не комплимент.

— А сейчас?

— Сейчас твой кадр уже работает, ты знаешь конструкцию, а срок не позволяет обучать другого человека. Выбираю тебя.

Таисия почувствовала облегчение — и укол разочарования от того, что он не назвал её незаменимой. Разочарование было глупым. Именно отсутствие сладкой лжи делало его выбор ценным.

— Тогда закрываем срочный отбор, — сказала она Соне. — Всем оплатить видеопробы по нашей ставке.

— Даже тем, кто не приехал?

— Они потратили время по нашему запросу.

Глеб посмотрел на Таисию с одобрением, которое не пытался превратить в похвалу. Она поймала взгляд.

— Что?

— Ничего. Это был профессиональный аргумент.

— Очень выразительный.

Он выключил планшет. Их решение перестало быть аварийной заменой и стало выбором, за который оба отвечали.

В студию без стука вошёл Влад Чернов. Он представлял компанию «Форма», которая финансировала часть программы «Одиннадцати ночей» и присматривалась к ателье с зимы. Влад всегда носил светлые костюмы и выражение человека, заранее знающего стоимость чужого согласия.

— Теперь понимаю, почему вы закрыли площадку, — сказал он, увидев экран. — Смело.

Таисия накинула жакет.

— Закрытая площадка означает, что входить нельзя.

— Софья сказала, вы нашли решение. Я пришёл поздравить.

— Поздравили. Дальше?

Он перевёл взгляд на снимок.

— «Форма» готова удвоить участие, если кампания будет пригодна для широкой наружной рекламы. Здесь образ слишком... авторский.

— Назови, что именно тебе мешает.

— Жёсткость. Женщине хочется быть такой, но покупать она будет обещание, что станет мягче.

Таисия почувствовала, как внутри всё светлело к короткой чистой линии.

— Моё бельё такого не обещает.

— Бизнес иногда обещает то, что хочет клиент.

— Мой — нет.

— Не отвечай сейчас. Посмотрим готовую серию. Деньги позволят увеличить сезонный выпуск вдвое.

Влад оставил визитку, хотя его номер у Таисии был, и ушёл.

Глеб не сказал: «Откажись». Не сказал и обратного. Сохранил кадр, затем открыл следующий.

— Ты мог бы хотя бы из вежливости осудить его, — заметила Таисия.

— Ты справилась.

— Это не ответ.

— Ты ждала помощи?

— Нет.

— Тогда зачем мне изображать спасателя?

Она взяла с кресла халат и ушла за экран. Его правота раздражала сильнее Влада. Наверное, потому, что за ней не было желания получить что-то взамен.

Когда Таисия вернулась, Глеб смотрел на сообщение в телефоне. На экране успела мелькнуть строка: «восемь месяцев».

— Плохие новости? — спросила она.

Он убрал телефон не слишком быстро, но и не оставил на виду.

— Пока только предложение поговорить.

— О чём?

— О большой съёмке. Не в Ладорске.

— Поздравляю.

Слово вышло ровным. Слишком ровным для новости, которая не должна была её задеть.

Глеб посмотрел на неё так, словно услышал складку там, где ткань казалась гладкой.

— Когда будут условия, скажу точнее.

— Не обязателен отчёт.

— Это не отчёт.

Таисия завязала пояс халата.

— Тогда заканчивай отбор. У нас девять дней.

Она вернулась в ателье и закрыла за собой дверь. Только там поняла, что до сих пор помнит его пальцы на ленте между лопаток — короткое разрешённое прикосновение, за которым ничего не последовало.

И что мысль о восьми месяцах почему-то уже казалась лишним швом на вещи, которую они ещё даже не начали носить.

Глава 4

Красный свет

В фотолаборатории было тесно даже для одного. Вдвоём с Таисией помещение стало почти неприличным.

Глеб заранее включил вентиляцию, разложил контактные отпечатки на столе и оставил дверь приоткрытой. Это должно было помочь. Не помогло.

Красный фонарь смягчал резкие углы её лица. Таисия наклонилась над листами, и запах проявителя смешался с лёгким ароматом утюжного пара, который будто вьёлся в её волосы за годы работы в ателье.

— Вот этот, — сказала она.

— Почему?

— Боковая деталь раскрылась полностью.

— Ты выбираешь изделие, не кадр.

— Мы продаём изделие.

— Мы показываем женщину, которая его выбрала.

Таисия выпрямилась.

— Вчера я объясняла тебе обратное. Моё тело не товар.

— Поэтому я и не предлагаю выбирать снимок, где видно больше. Здесь ты смотришь на стул, будто он должен извиниться. А здесь — решаешь, нужен ли он тебе вообще.

Глеб передвинул два отпечатка. На первом Таисия сидела вполоборота, жакет соскользнул с локтя. Снимок был безупречным и безразличным. На втором она только поднималась, голова повернута к камере, рот чуть приоткрыт от движения. В нём не было приглашения. Было сознание собственной силы.

Таисия молчала долго.

— Я не знала, что так выгляжу.

— Как?

— Будто мне ничего не нужно разрешать.

— Тебе и не нужно.

Она перевела взгляд на него.

— Камера обычно доказывает обратное.

— Камера ничего не доказывает. Это коробка с затвором. Решает тот, кто выбирает, когда нажать и что потом показать.

— До сих пор нажимал ты.

— А показывать мы будем только то, что выберешь ты.

Таисия взяла отпечаток и поднесла ближе к фонарю. Глеб видел, как меняется её выражение: недоверие уходит, оставляя сосредоточенность и что-то более личное. Не благодарность. Она никогда не благодарила за то, что считала правильной работой.

— Оставляем, — сказала она.

— Отметь на листе.

Она поставила крестик мягким карандашом. Глеб протянул руку за следующим рядом снимков. В тесноте их плечи соприкоснулись.

Таисия не отстранилась.

Он тоже.

Красный свет лишал её кожу привычного цвета, но не тепла. Глеб ощущал это тепло через рубашку. Снаружи, в галерее, прокатили тележку; колёса простучали по стыкам плит и стихли.

— Здесь действительно тесно, — сказала Таисия.

— Я предупреждал.

— Технически.

— Сейчас уже нет.

Она повернулась. Между их лицами осталось расстояние одного вдоха. Глеб видел крошечное пятно синего мела у её виска и знал, что стоит поднять руку — сможет стереть. Не поднял.

Таисия сама провела пальцами по его запястью. Коротко, от манжеты к ладони. Его тело отозвалось раньше мысли.

— Ты очень хорошо умеешь ждать, — произнесла она.

— Не всегда.

— А сейчас?

— Сейчас решаешь ты.

Её взгляд опустился к его губам. Таисия приблизилась ещё на несколько сантиметров, и Глеб почувствовал её дыхание. Он позволил себе коснуться пальцами края стола, рядом с её бедром, но не её самой.

Она закрыла глаза. На секунду.

Потом отступила.

— Сначала закончим лист, — сказала она. Голос стал ниже, однако прозвучал ясно. — Я не хочу потом гадать, что выбрала из-за тебя.

— Хорошо.

Глеб отодвинулся к увеличителю и взял следующий ряд негативов. Без раздражения. Без попытки превратить её остановку в обещание на потом.

Таисия посмотрела на него дольше, чем требовалось, затем снова наклонилась над столом.

Они выбрали двенадцать кадров. Пять Таисия отклонила из-за посадки, три — потому что не узнавала себя в выражении лица. Один нравился Глебу особенно: её рука лежала на открытой линии жакета, и весь кадр держался на напряжении пальцев. Она покачала головой.

— Слишком похоже, будто я прикрываюсь.

— Ты права.

Он перечеркнул номер без спора.

Следующая полоса ещё промывалась. Они ждали, пока вода перестанет пахнуть закрепителем, и красная тишина стала менее острой.

— Ты часто работаешь в других городах? — спросила Таисия.

— Почти всегда.

— Почему тогда студия здесь?

— Софья предложила на два месяца. Мне нужна была лаборатория между проектами.

— И через две недели ты снова уедешь?

— По старому плану — да. Была съёмка на севере, но заказчик сдвинул её на осень.

— Значит, «Люмен» удобно заполняет пустое время.

— У меня нет пустого времени. Есть незанятое.

— Разница?

— Пустое хочется чем-то закрыть. Незанятым можно распорядиться.

Таисия опёрлась бедром о стол. В красном свете её лицо снова стало чужим и близким одновременно.

— И чем ты распоряжаешься, когда не снимаешь?

— Печатаю. Хожу пешком. Не отвечаю на вопросы о себе.

— Последнее вижу.

— Ты всё равно спрашиваешь.

— Проверяю материал на растяжение.

Глеб достал промытую полосу щипцами и повесил сушиться.

— А если порвётся?

— Значит, не подходил для конструкции.

— Люди не ткань.

— Поэтому с ними сложнее.

Он посмотрел на её пальцы. На одном остался крошечный прокол от иглы.

— Ты всегда открываешь ателье сама? — спросил Глеб.

— Первые два года — да. Сейчас у Сони ключ. Но я всё равно прихожу раньше.

— Не доверяешь?

— Доверяю. Просто люблю час, когда никто не просит решения.

— А сейчас?

— Сейчас ты просишь выбирать кадры.

— Можем закончить позже.

Таисия покачала головой.

— Нет. Я хочу довести до конца именно сейчас.

Глеб понял, что она говорит не только об отпечатках. Почти-поцелуй не был отменён, но и не получил обещанного продолжения. Между ними оставалось напряжение, которое оба согласились выдержать ради ясности.

Он положил высохшую полосу рядом с другими.

— Тогда последние четыре.

Они склонились над столом снова, плечом к плечу, уже не притворяясь, что теснота ничего не меняет.

Когда работа закончилась, Глеб включил белый свет. Обычные цвета вернулись слишком резко. Таисия прищурилась, синее пятно мела на виске стало заметнее.

— У тебя мел, — сказал он.

— Где?

Он показал на себе.

Она потёрла щёку.

— Левее.

Таисия снова промахнулась. Глеб не улыбнулся.

— Можно?

— Да.

Он стёр след большим пальцем. Одно движение. Её кожа была тёплой, и теперь, когда разрешение получено, отступить оказалось труднее, чем в красном свете.

Таисия чуть повернула лицо к его ладони.

Потом первой открыла дверь.

— Ты собирался рассказать про предложение, — напомнила она.

Они вышли в галерею. Здесь пахло кофе и свежей краской, люди проходили мимо, и разговор сразу стал безопаснее. Или только выглядел таким.

— Международная сеть готовит кампанию в четырёх странах, — сказал Глеб. — Съёмки могут занять восемь месяцев. Пока без точного графика и условий.

— Ты уже работал с ними?

— Два коротких проекта. Этот будет другим.

— Потому что долгий?

— Потому что эксклюзивный. Возможно.

Таисия остановилась возле стеклянной двери ателье.

— И ты хочешь его?

Вопрос был точным. Его собственным оружием.

— Хочу иметь выбор, — ответил Глеб.

— Это не то же самое.

— Пока другого ответа нет.

Она кивнула.

— Когда появится, скажешь, если захочешь.

— Скажу.

— Почему?

Глеб посмотрел на её рот и впервые не стал притворяться, что замечает только слова.

— Потому что то, что почти случилось в лаборатории, не похоже на случайность.

Таисия взялась за ручку двери.

— Оно не случилось.

— Я заметил.

— И не обещано.

— Тоже заметил.

Она вошла в ателье. Уже изнутри, через стекло, сказала:

— Завтра в десять вечера. Не опаздывай.

Глеб остался в галерее с папкой утверждённых отпечатков и ясным пониманием: ждать он действительно умеет. Вопрос лишь в том, насколько долго сохранит это умение рядом с ней.

Глава 5

Ночная выдержка

К десяти вечера камни внутреннего двора отдали дневное тепло и стали холодными. Таисия почувствовала это босыми ступнями сразу, как вышла из-за ширмы.

— Плед между дублями, — распорядилась Соня.

— Я не замёрзла.

— Это говорит женщина, у которой пальцы ног стали белыми.

Таисия взяла плед. Спорить с человеком, который застёгивал на ней третий комплект и держал в кармане запасные булавки, было неразумно.

Съёмочную площадку закрыли чёрными экранами. В Пассаже ещё работали галерея и кофейный киоск, но со стороны никто не видел Таисию. На высоких окнах второго этажа отражались лампы. Глеб поставил один источник за аркой, второй направил в светлый камень, чтобы получить мягкое отражение снизу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.